

НАША СТРАНА

SEMENARIO

Editor-Director:
VSEVOLOD DUBROWSKY
Casilla de Correo 2847
Buenos Aires Argentina

“NUESTRO PAIS”
Organo Monárquico Ruso

Correo
Argentino
Central B.

Registro Nacional de la Propiedad Intelect. No. 377233

TARIFA REDUCIDA
Concesión N° 3980
FRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233

AÑO IV

Buenos Aires, sábado, 5 de julio de 1952

• Буэнос Айрес, суббота 5-го июля 1952 года

No. 129

ИВАН СОЛОНЕВИЧ

Тайны солидаристов

(Продолжение).

ФАШИЗМ И КОММУНИЗМ

Несколько блудливый философ русской эмиграции, проф. Г. П. Федотов, определяет коммунизм, как разновидность фашизма (“Новый град”, стр. 206). Неизвестно, — почему не наоборот? Коммунизм родился на свет Божий столетиями раньше фашизма. Фашизм же в новейшей европейской истории рассматривался прежде всего, как некий бруствер против коммунистического наступления на Италию, на Германию, на Испанию и т. д. И уж, во всяком случае, в Европе коммунизм родил фашизм, а никак не наоборот. Вопрос только вот в чем: Чем же, по существу, отличается коммунизм от фашизма? По моему — просто ничем. Меняет он пределы самого коммунизма. Фразеология “эпохи военного коммунизма” в России очень существенно отличается от фразеологии “новой экономической политики”, от “эпохи коллективизации деревни” и от сегодняшней игры на патриотизме, национализме и даже шовинизме. Но никто, вероятно, не станет оспаривать, что во всех этих случаях коммунизм оставался и остался только коммунизмом. Борьба между коммунизмом и фашизмом есть по своему существу в н у т р и п а р т и й н а я борьба различных оттенков политической мысли, а еще чаще, различных групп с их различными вождями. Во всех случаях дело идет об одном и том же: о тоталитарном строе, возглавляемом единой и единственной партией, подчиняющей своему контролю всю жизнь страны. Товарищи меньшевики могут как им угодно отбрыкиваться от их ближайшего идейного родства с фашизмом вообще и с солидаризмом в частности, но ведь это родство совершенно очевидно для всякого среднего человека, не претендующего на роль партийного выдвиженца. Программа, которую Адольф Гитлер осуществлял в Германии была, с чисто хозяйственной точки зрения, социалистической программой. Gemeinnutz vor Eigennutz — общее благо перед частным благом, а общее благо определяется соответствующими партийными органами. Разумеется, — по указке вождя.

Гитлеровский антисемитизм был только добавочным локальным явлением. Итальянский фашизм антисемитизма не знал и только потом, под давлением союза с Германией, Муссолини пришлось идти на кое какие уступки. В русской эмиграции фашистских партий было по крайней мере пять: младороссы Казем-Бека,

фашисты Вонсяцкого, фашисты К. Родзаевского, РНСД полк. Н. Скалона и А. Мельского, и солидаристы проф. М. Георгиевского и В. Байдалакова. Младороссы относились к еврейскому вопросу безразлично, фашисты А. Вонсяцкого стояли на просемитической точке зрения, и даже “начальник штаба” был у них еврей, фашисты полк. Скалона “применялись к местности”. У фашистов Дальнего Востока антисемитизм принимал клинический характер: есть антисемитизм религиозный, экономический, бытовой, политический и прочее. Есть также и просто клинический, — дальневосточные фашисты переживали последнюю стадию. Ленинский коммунизм “прогрессировал” от безусловного “еврейского засилия” в годы военного коммунизма, — точнее было бы сказать, засидия еврейской интеллигенции, — до сегодняшнего сталинского антисемитизма, который в дальнейшем неизбежно будет принимать все более и более острые формы. Козел отпущения выдуман евреями. Теперь политика выдумана евреем отпущения. По этому пути Сталин пойдет еще очень далеко. Сейчас надо ожидать некоторой модернизации старого лозунга — чего то вроде: “бей жинов — спасай Советов”. Но каковы бы ни были лозунги, неизменно остается основное родство социализма и фашизма: о б о б щ е н и е средств производства.

Конечно, это обобщение можно называть иначе: национализация, социализация, огосударствление, государственственный контроль, или как вам еще будет угодно. Именно по этому поводу украинцы и говорят: “не вмер Данила, тай болячка задавила”. Или: “не кием, так палкой”. Ленин клялся Марксом и социализировал все. Гитлер Марксом не клялся и тоже социализировал все. Солидаристы не клянутся ничем и нацеливаются на такую же социализацию. Но нам то — не все ли равно, под каким знаменем и а с будут планировать, национализировать, социализировать и грабить? Для десяти тысяч расстрелянных в Катынском лесу польских офицеров не все ли равно, под каким лозунгом их расстреляли: под марксистским или антимарксистским. Два сапога пара. И фашизм и коммунизм. И оба сапога обслуживают одно и то же тело социализма. В этом отношении спор между меньшевиками и солидаристами очень напоминает борьбу ЦК с троцкистским загибом или бухаринским уклоном.

Социализм, коммунизм, фашизм — это явления одного и того же порядка. И если термин “фашизм” мы не станем применять просто в качестве

ругательства, как применяют его меньшевики, то мы будем вынуждены констатировать тот совершенно несомненный исторический факт, что по всей Европе, и не по ней одной, фашизм бродит этаким призраком, временно отпугиваемый американистским влиянием и политическим и хозяйственным. В разных странах он по необходимости принимает разные оттенки, но по существу остается одним и тем же историческим явлением. И даже его “национальные” прилагательные, которые так притягивают к себе сердца воспитанников институтов благородных девиц решительно ничего не меняют. Гитлеризм начал с крайнего шовинизма, а под его знаменами в Россию вторглось по меньшей мере “дванадцать языков”: интересы гитлеровского правящего слоя требовали расширения “сферы влияния”, по крайней мере, на всю Европу, и почти вся Европа приняла участие в гитлеровском походе на Восток. Ленин начал с интернационала, а Сталин продолжает в духе “маневров на славу императива на страх братьям”. Все течет и все меняется. Остается неизменным одно: грабеж.

ПРОСТАКИ ЗАГРАНИЦЕЙ

В эмиграции каким то истинным чудом сохранилось огромное количество политически простодушных людей. Политически простодушные люди полагают, что, во-первых, НТС есть “национальная организация” и что, во вторых, — “ах, не все ли равно, какая там у них программа?” Некоторые, наиболее живописные из этих простодушных людей, иногда гордо прибавляют: “Мы боремся не за программу, а за Россию”. Если вы поставите им вопрос: так почему же они не борются за Россию под коммунистической программой, — то вы услышите, презрительно и с высоко: “так ведь это не Россия, а СССР”. Для простодушных людей этикетка означает все. СССР, — конечно, Россия, пленная, но Россия. И “советский народ” есть, конечно, русский народ, хотя и тоже пленный. И даже советская литература есть русская литература, хотя, может быть, ее плен наиболее тяжок.

Вопрос же о программе вовсе не так прост, как кажется простодушным людям, ибо именно “программа” концентрирует вокруг себя тот элемент, который в данной программе видит воплощение своих интересов, иногда даже и идей. Совершенно ясно, что никакой огородник, торговец, промышленник, писатель, никто, кто хочет вести самостоятельное хозяйство, торговать, производить, мыслить и писать самостоятельно, не станет подписываться под программами национализации, социализации, солидаризации и прочего. Если в программе будет пункт о

В номере:

ИВАН СОЛОНЕВИЧ
ТАЙНЫ СОЛИДАРИСТОВ
(Продолжение)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА
Радио-станция “Освобождение”. —
“Совет Радио”. — Отставка И. Дон
Левина.

Б. Ш.
ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛОВ

Борис Башилов
“БОЛЬШЕВИКИ” СОРОКОВЫХ
ГОДОВ

Владимир Рудинский
ДВА СОВЕТСКИХ РОМАНА

Б. Ликов
СНОВА НА РОДИНЕ
(Продолжение)

W. Karsow
SITUACION DE LA CIENCIA
Y LOS SABIOS EN LA
RUSIA SOVIETICA

ГЛЕБ ТОМИЛИН — ДВЕ СИЛЫ

В ближайших номерах
ИВАН СОЛОНЕВИЧ
НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ
часть 3-я
КИЕВ И МОСКВА
(Продолжение)

грабеже, я под нею не подпишусь, ибо я грабить не собираюсь. Но те, кто собирается — подпишут. Я никого не собираюсь ни социализовать, ни национализировать и я вовсе не хочу, чтобы и меня самого кто-то пытался бы солидаризировать с каким бы то ни было грабежом, будет ли он обещан под откровенной этикеткой социализма, или под какой нибудь фальшивкой, на которой еще будет намалевано и “остерегайтесь подделок”. Солидаристская программа есть программа социалистическая, но без всяких ссылок на социализм, ибо для солидаристов ценно не прошлое социализма во всем мире, а его будущее в России. И солидаристы понимают достаточно ясно, что самое понятие, а не только слово “социализм”, а именно понятие в России дискредитировано навсегда. Понимают это и социалисты, по крайней мере, наиболее толковые из них. Но что делать Абрамовичу? Всю свою жизнь вложил в социализм, и теперь, совсем уже на пороге эмиграции в лоно Авраама, Исаака, Иакова и Карла Маркса — как теперь менять вехи? Но и Абрамович и Аронсон от времени до времени признаются все таки в том, что с распростертыми объятиями

ми их в России не встретит никто. Солидаристов — встретят. И именно тот слой, который вот сейчас паразитирует на народно хозяйственном теле России и для которого важны: портфель и пост.

И то и другое солидаристская программа гарантирует. Гарантирует и смену ненавистной этикетки. Так некоторые политические простодушные люди искренне радовались, глядя на то, как ВЧК перекрашивается в ОГПУ. Может быть, сейчас уже видно: не стоило радоваться.

"МОНАРХО - ФАШИСТЫ"

Товарищи меньшевики, конечно, никак не принадлежат к числу политически простодушных людей, но именно на таких людей в САСШ они и рассчитывают, когда пишут о "монархо-фашизме". Может быть и такой. Есть же в Англии "монархо-социализм"? Лично я сталкивался с еще более странным политическим ублюдком: монархо - коммунизмом. Это было в Германии в годы ее разгрома советскими войсками, когда по русской эмиграции прошел таинственный слух: Сталин в добавление к погонам, орденам, патриотизму и прочему собирается восстанавливать монархию — самым простым способом: возложит императорскую корону на самого себя. Были "монархисты" переживавшие искренний восторг: все как полагается — и погоны и дарь, — следовательно все будет в полном порядке. Почему "следовательно"? Ну, как же: все постепенно вернется к старому — вот, видите, как уже возвращается: патриотизм, церковь, погоны, чины...

Не следует думать, что мадамы Кусковы населяют только Швейцарию и что в "эволюцию" верят только мадамы обоего пола.

Монархизм, взятый без прилагательного не обозначает ничего, как ничего не обозначает и бесприлагательная демократия. Монархизм взятый как принцип, обозначает личную наследственную власть — ограниченную или неограниченную, это уже другой вопрос. Он может быть и социалистическим (Англия), и фашистским (Италия), и Абду-Гамидским (Турция) — может носить характер деспотии древнего востока, просвещенного "абсолютизма", прикрывающего диктатуру класса, может носить осободительный характер, как носила его русская монархия от Императора Павла Первого до Императора Николая Второго. Демократия может быть и американской, и абиссинской. Среди солидаристов есть люди, которые "не имеют ничего против монархии", если она будет солидаристской и, следовательно, если от нее, собственно, ничего, кроме вывески не останется. Вероятно, именно поэтому, наши "простаки за границей" — вот вроде Рыбакова, считают солидаристов "национальной партией" и готовы заменить коммунизм то ли солидаризмом, то ли дордопулизмом — таинственным государственным строем, при котором не будет ни парламента, ни партий, ни монархии, ни республики — народ будет править "сам". Будет сам себе пить сапоги и писать картины, вести внешнюю политику и редактировать "Устав гражданского судопроизводства". Кроме того, народ будет сам себе и статьи сочинять — пером г-на Дордопуло. Чем не идиллия?

Народно Монархическое Движение выступает против солидаризма вовсе не из-за каких бы то ни было личных амбиций, а просто потому, что НМД стоит за частную инициативу, за реальную, а не "остерегайтесь подделок", человеческую свободу и что оно, помимо всяких иных соображений, считает, что все это Россия может гарантировать только Монархия и только она одна. И Монархия, которая была бы реальной силой, а не бесильным рупором какихнибудь будущих русских муссолини или этгли. Царь и Собор. А не "парламент", который собирается возродить новая кадетская партия, руководимая г-ном Е. Ефимовским, почетным председателем какого то очередного и тоже "центрального" гриба после дождя. Мы не хотим европейского парламентаризма, и мы не хотим под залог его ни одного цента ни из каких комитетов. Бог с ними, с центами, доживем и без них. Наши "простаки за границей" не понимают того, что наша основная прослебошевистская внутренняя борьба будет идти против солидаристов или, точнее, против того, нынче светского административного актива, который под солидаристской или под иной этикеткой, но обязательно подымется после большевиков и так же обязательно потребует восстановления священных портфеля и поста. Солидаристы сколачивают организационный кулак именно этого актива, и если портфеля и поста не даст им В. Байдалаков, то даст кто то другой, кто то вроде Берин или Пальчинского. А будет ли строй называться социалистическим, солидаристическим, технократическим или каким бы то ни было иным — активу то какое дело? На его активистский век хватит.

Меньшевики, критикуя солидаристов, невинно изумляются: откуда у тех такая невиданная в эмиграции партийная дисциплина? Уж кому бы кому, а меньшевикам следовало бы знать историю стокгольмского съезда русских социал-демократов, на котором Ленин расколол партию, по казалося бы пуляковому поводу: меньшевики стояли за "массовое" партийное членство, Ленин допускал в партию только профессионалов. А для того, чтобы этих профессионалов кормить, — нужны были деньги. В способах добывания денег Ленин не стеснялся никак. Меньшевики, кажется, все таки стесняются.

"ДЕНЬГИ, ДЕНЬГИ И ДЕНЬГИ"

Я никак не собираюсь писать историю НТС. Эта организация возникла при РОВС-е, в качестве его "смены", и ею завладел проф. М. Георгиевский, ныне покрытый столь таинственной неизвестностью. Исчез бесследно. Сейчас солидаристы в "Н.Р.С." бормочут о том, что он, де, застрял в Югославии и был арестован советчиками. Почему об этом молчали люди семь лет? Мне лично в 1947 году руководители НТС говорили, что проф. М. Георгиевский бросил политику и живет в Риме. Кто знает, где он живет сейчас?

В начале своей деятельности нынешние солидаристы назывались скромно и даже застенчиво — "напмалычниками": они еще "искали идею". У меня были с ними, с некоторыми и сейчас, кажется, остались, — неплохие личные отношения. Эта организация впервые издала на русском

языке мою "Россию в Концлагере", и в Белграде в 1937 году — точнее в Земуле под Белградом, — я вел довольно длительные переговоры с проф. М. Георгиевским, на каковых переговорах наша "партийная дружба" и закончилась.

Никаким "солидаризмом" в те времена еще и не пахло. Было нечто, вроде РОВС-овского непредрешенчества, но уже с гораздо более "демократическим" оттенком, то есть с полупризнанием того факта, что, как это принято формулировать в эмиграции, "к старому возврата нет". Основные положения, которые выдвигал проф. М. Георгиевский, сводились к следующему:

1. Нужно "вбить клин между отцами и детьми".
2. Нужно тщательно изучать ленинскую тактику.
3. Нужно иметь профессиональных работников организации, — и
4. Для последнего нужны деньги.

Мы разошлись по всем четырем пунктам, о чем я в свое время и писал в довоенном "Голосе России", где обозвал проф. М. Георгиевского по Сельвинскому

"Уездный, лилипутный Ленин". Уездный Ленин обиделся и мне отомстил: дважды и оба раза публично заявил, что вся наша семья является советской агентурой. Я возражал и против "клина", и против "ленинской тактики" и против денег.

М. Георгиевский горько, но слегка неосторожно пожаловался мне на РОВС: через РОВС, де, НТСНП послал в Россию 150 (сто пятьдесят!) юношей и девушек и из них не вернулся никто. И ни от кого не получено никаких сообщений. Этой "жертвенной работой" тогда заведывал ген. Скоблин. Это признание закончило наши дружеские отношения. Еще в "Последних Новостях" П. Милукова я категорически выступал против всяких перебросок "безусых энтзиастов" по ту сторону сегодняшнего "железного занавеса". Сейчас новая эмиграция много раз повторила те же протесты: это значит слать людей на верную гибель. Но тогда я еще не знал, в чем, в сущности, заключается это предприятие. Потом я узнал. И то, что я сейчас пишу, основано на точном знании.

По всем "лимитрофам" СССР были раскинуты разного рода шпионские заведения, агентуры, лавочки, и даже и частные предприниматели. Иностранцы держали там своих "резидентов", а резиденты опирались на эмигрантскую помощь. Словом, шел торг: продавались и выдуманные и даже невыдуманные разведывательные данные об СССР, получались за это деньги, иногда и довольно большие, посылались люди "по ту сторону", тоже за деньги (для вербовщиков), и в общем делались кое какие дела. Небольшие, но довольно гнусные. Я, или лично, или по именам, знаю людей, которые промышляли этим кровавым торгом в Гельсингфорсе, Ревеле, Риге, Варшаве, Берлине, Белграде и Софии. Знаю приблизительно и их заработки: в лучших случаях они доходили до двадцати тысяч старых германских марок за превращение одной живой русской души в одно мертвое русское тело. По целому ряду обстоятельств мне удалось сопоставить эти данные с данными русского отдела Гестапо в Берлине — этот отдел тоже интересовался этой разновидностью эмигрантско-патриотической промышленности, данные совпадали почти полностью.

Правда и то, что долгое время в эмиграции отсутствовало какое бы то ни было представление о реальной жизни в СССР и о том факте, что всякого мало-мальски подозрительного человека ОГПУ расшифрует в два счета: потребует документы и наведет справки "по месту последнего жительства" — совершенно простая техника. Обо всем этом я много раз писал в "Голосе России".

Проф. М. Георгиевский был по специальности лингвистом, а по призванию, вероятно, финансистом. Словом, первую дорожку в польский генштаб проложил он. Это дало ему возможность, так сказать, политически кое как опереться, — стать на свои, хотя и не очень собственные, ноги. Потом проф. Георгиевский куда то исчез, вместе с Польшей, и солидаристы переориентировались на Германию — эта эпопея известна всем, но известна в очень общих чертах. Сам собою разумеется, что "продавать Россию Германии" они не собирались никак. Ленин тоже, ведь, не собирался.

По дорожкам и тропкам, проложенным через всякие разведки и прочее, солидаристы теперь существуют американским иждивением. В листовке "За Россию", на которую ссылался г-н Икс (№ 1—2, стр. 4—5) глава НТС В. Байдалаков сумбурно повествует о том, как он облетел с конца августа 1951 года: САСШ, Канаду, Германию, Бельгию, Англию, Францию, Марокко... Абсолютно ясно, что на свои деньги, хотя бы и членские взносы, без помощи какой то разведки, В. Байдалаков этого никак проделать не мог. Что он делал во всех этих местах — остается неизвестным. В Марокко В. Байдалаков пишет так:

"Когда же меня спрашивали о моем впечатлении от посещения нашего кадра в Марокко, я лучше всего мог его формулировать стихом Гофмана:

"Я пью машинально стаканами
виски
И глухо роняю слова.
И вижу, как клонится к столу
низко
Любимая мной голова".

Радостные вести сообщал я членам Союза о наших успехах. Они бучили устремление на помощь фронту, но, одновременно, крепко задумывались друзья о судьбе своих близких, иждивенцах.

На трех континентах удалось мне в краткий срок повидать многих наших друзей. Всех их информировал о росте нашего дела и новых требованиях его, одних корил, других учил. Вновь убеждался — велика внутренняя сила Союза. Перед нами, друзья, сейчас главное задание — предельно мобилизовать ее на помощь внутророссийскому фронту борьбы.

Извините меня, но как то непонятно получается: и "стаканами виски", и "радостные вести". Но, Бог с ними: и со стаканами и с вестями. "Иждивенцы" будут, конечно, как то прокормлены и "кадры" будут как то упрочены. Вопрос только в том, что случится с иждивенцами и с кадрами в тот роковой момент, когда какое то разведывательное американское учреждение, поняв, что оно попало впропуск, — денег давать больше не станет?

ПОСЛЕДНИЕ ИЗ МОГИКАН

Мы как то все забываем: до солидаристов в эмиграции действовали и младороссы, и фашисты Вонсяцкого, и фашисты Родзаевского, и нацисты Скалона. От всех них не осталось и ч е г о . То есть, ровным счетом — ничего. А ведь были и вожди, и кадры. Вожди инспектировали кадры и кадры подчинялись вождям. И если американские и дальневосточные фашисты были просто напросто политической халтурой, то младороссы имели и реальные кадры и реальную литературу, идеологически были крепко связаны с евразийским движением, опирались или спекулировали ссылками на поддержку со стороны некоторых членов Династии. И — где они теперь?

Мне не так давно пришлось просматривать посвященную лично мне младоросскую литературу: как она меня поучала и поносила, как точно она учитывала и предсказывала. А где теперь находится Самый Старший Соратник этой партии А. Казем-Бек? — Этого даже и я не знаю. Говорят, держит под Нью-Йорком куриную ферму, и вместо молодых россов разводит юных цыплят. Может быть. Но, может быть, и вовсе не под Нью-Йорком и вовсе не цыплят, и вовсе не ферма, кто его знает? Вот и сейчас от времени до времени солидаристы то обзывают меня “мастером халтуры”, то утверждают, что я сижу в Москве и пишу передовые для “Правды”, то изблачивают меня, как это сделал г-н Мамуков, в “безудержной фантазии”. Поживем — увидим. Мы — люди тихие. Денег у нас нет вовсе. И будущее — за нами. Пбо у нас есть идея, не мы ее изобрели и не на нас она кончится.

А что сейчас нам очень плохо, так этого я никак отрицать не собираюсь. И что организация наша могла бы быть намного лучше — не спорю с этим. Но как нам кокуррировать с В. Байдалаковым? Вот летает человек от виски до виски — “По союзным группам на трех континентах” — так озаглавлен его совершенно пустопорожний отчет. Так же летали от виски до виски и иные вожди: “иных уж нет, а те далече, как Саади некогда сказал”...

Я не знаю кто, собственно, кинул эту летучую фразу: “Для войны нужны, во-первых, деньги, во-вторых, деньги и, в-третьих, деньги”. Ее приписывают то Бисмарку, то Дизраэли, то Питту-старшему. Думаю, что больше всего она похожа на Питта-старшего. Дело, однако, заключается в том, что ни деньги, ни деньги, ни деньги Великобритании Империи НЕ спасли. Наша же многострадальная матушка-Русь все время воевала, во-первых, без денег, во-вторых, без денег, и, в-третьих, тоже без денег. Что не помешало ей разбить таких денежных людей, какими были в свое время татары, Польша, Турция и прочие. И вот теперь, хотя и под багровым флагом СССР, оказаться все таки сильнее “ним государством мира.

Для войны, как и для политики, нужны, конечно, и деньги. Но в вековом споре “булата” и “злата” булат, как правило, оказывается сильнее — в особенности, если под “булатом” понимать не только сталь опущая, но и железо воли. Общепринятое у нас объяснение ленинской победы в октябре 1917 года сводятся, конечно, также к немецким деньгам. Однако, мы сейчас все таки склонны забывать

о том, что в начале этого трагического столетия марксизм был общепризнанной научной идеей. У него был целый ряд классиков политико-экономической, философской, исторической и прочей литературы. По масштабам и понятиям того времени именно он, марксизм, давал наиболее исчерпывающие ответы на все, или почти все наболевшие вопросы человечества. Марксисты преподавали в Императорских университетах России и они старались организовывать дело так

“чтобы даже и дети рождались на свет с точки зрения классовой розни”.

Дети так рождаются не захотели. Перед самой войной началось отрезвление. Однако, марксизм еще оставался “идеей”, за границей он ею остается и сейчас. У солидаризма же вовсе никакой идеи нет. Нельзя же, в самом деле, считать какой бы то ни было “идеей” активистские посты и портфели, кое как завуалированные патриотической трескотней и рассчитанные, в конце концов, на тот же марксизм, в его, так сказать, обайдалаченном издании? Держится он на деньгах, деньгах, можно было бы сказать, только на деньгах, если бы в наш век не играли бы роль еще и “визы”: но кто-то, наконец, сообразит, что и деньги и визы даются совершенно впустую, и тогда от солидаристов останется еще меньше, чем осталось от младороссов: какаянибудь ферма для выращивания цыплячьего актива.

Иван Солоневич

**ИВАН СОЛОНЕВИЧ
НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ
Часть II — Дух Народа.**

вышла отдельным изданием и поступила в продажу у представителей “Нашей Страны” и в лучших книжных магазинах Зарубежья.

Цена: ам. долл. 1.50 или соответствующая сумма в другой валюте.

В. Ш.

По страницам журналов

“Литературный Современник”. — Все три вышедших номера журнала имеют прекрасную внешность: убористый, но четкий прифт, хорошая бумага, чуждая провинциализма, элегантная обложка и даже иллюстрации — связанные с текстом репродукции картин новых русских художников.

В литературном отделе много новых имен, но есть и получившие уже известность: Л. Ржевский, Е. Гагарин, С. Юрасов. Большая часть помещенного в нем — “Человеческие документы” бывших советских каторжан. Это — вполне понятная и оправданная реакция вырвавшихся на свободу из тюрьмы. Упрекать за это редакцию нельзя: надо выкрикнуть боль. Подживет рана — найдутся и другие темы.

Вполне уместен и целесообразен отдел “Голоса погибших” — характерные отрывки произведений задуманных советчиной, часть которых осталась неизвестной и советскому читателю, напр.: мгновенно изъятая “Повесть о непогашенной луне” Б. Пильняка. Приведенные выдержки подтверждают наличие “подспудного мышления” в среде подсоветских русских писателей. Интересен отдел критики. В нем много ценных, ярких статей на современные темы литературы, язык,

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

АМЕРИКАНСКИЙ КОМИТЕТ ОСВОБОЖДЕНИЯ НАРОДОВ РОССИИ СООБЩАЕТ:

В субботу 21 июня завершило свою работу происходившее в Штарнберге, около Мюнхене, совещание десяти русских и нерусских политических организаций эмиграции. После окончания совещания было объявлено об образовании “Совета Радио”, от имени которого будут происходить передачи радио-станции “Освобождение”, создание которой в Европе Американским Комитетом Освобождения Народов России приближается сейчас к концу. Одновременно совещание учредило временную международную комиссию для подготовки создания политического центра демократической эмиграции с территориями, составляющих ныне Советский Союз.

Опубликованное после совещания сообщение подчеркнуло полное единение участников, представлявших следующие организации:

- Союз Борьбы за Свободу России (СБСР),
 - Союз Борьбы за Освобождение Народов России (СБОНР),
 - Российское Народное Движение (народники),
 - Лига Борьбы за Народную Свободу (Лига),
 - Грузинский Национальный Совет,
 - Азербайджанский Совет Национального Единства,
 - Северо-Кавказское Антибольшевистское Национальное Объединение,
 - Белорусская Народная Рада,
 - Объединение Армянских Борцов за Свободу,
 - Туркестанский Национальный Комитет (Гюркелли).
- Соглашение было достигнуто на основе паритета и равенства между российскими организациями и группой нерусских организаций.

Совещание послало председателю Американского Комитета адмиралу Алану Г. Нэрку телеграмму, выражающую намерение новосозданных организаций продолжать дружеские отношения и тесное сотрудничество с Комитетом. Телеграмму подписали: Ной Цинцадзе (председатель совещания); А. А. Авторханов и И. А. Курганов (секретари совещания).

Создание Совета Радио и Международной комиссии является продолжением работы, начатой в прошлом году на совещаниях в Штуттгарте и Висбадене.

В Нью-Йорке адмирал Кэрк сделал от имени Американского Комитета следующее заявление:

“Американский Комитет желает подчеркнуть, что его главная задача заключается в помощи всем демократическим группам эмиграции, а также отдельным эмигрантам и беженцам, отказывающимся признавать власть большевистских тиранов. Политика Американского Комитета будет и впредь сосредоточена на главной задаче: освобождение от коммунистического ига. Он будет продолжать политику “самоопределения”, но это ни в коей мере не будет означать политики “предрешения”.

ОТСТАВКА И. ДОН ЛЕВИНА

“Н.Р.С.” в номере от 25 июня сообщает, что европейский директор Американского Комитета публицист И. Дон Левин уходит со своего поста 1-го июля.

И. Дон Левин будет замещен на посту европейского директора г. Форест Мак Клони, который в первую очередь займется вербовкой служащих для радио станции “Освобождение” и в дальнейшем будет содействовать работе Комитета в Европе.

Политическая сатира — очень трудный жанр. Она требует от своих работников чрезвычайного внимания к каждому слову, к каждому штриху, отточенности, меткости, созвучия с моментом и большой сработанности всего авторского коллектива. Это достигается не сразу, но в длительном творческом процессе. На протяжении одиннадцати вышедших номеров “Сатирикона” заметны успехи его авторов в этом направлении: тематический плацдарм его литераторов расширяется, художники, грешившие в первых номерах излишним в данном случае реализмом, постепенно овладевают спецификой каррикатуры. Жаль, что личность самого Сталина, а не вся система, остается главным объектом их сатиры. Это придает журналу антисталинский, а не антисоветский характер, сужает поле его обстрела. Сатира — мощное оружие и ее орган необходим в нашей борьбе за свободу России. Пожелаем “Сатирикону” очиститься от мелкого, местного политиканства и направить свою силу своего огня на цель № 1, марксизм-советизм во всех его проявлениях.

Б. Ш.

“НАША СТРАНА” — газета, которую НАДО ЧИТАТЬ номер за номером! Во избежание перебоев в получении газеты у перепродавцов — подписывайтесь на нее у наших представителей или непосредственно в редакции!

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА НАШУ СТРАНУ

Владимир Рудинский

Два советских романа

В течение некоторого времени в иностранной печати многократно упоминался недавно вышедший в свет в Советском Союзе роман Антонины Коптяевой "Иван Иванович". Французские газеты, с присущей им развязностью и потугами на остроумие в снисходительном тоне, всегда у них появляющимся, стоят им заговорить о чем-либо русском, окрестили героиню романа "якутской мадам Бовари". Когда книга попала мне в руки, я раскрыл ее с некоторым интересом. Положим, оказалось, что героиня вовсе не якутка, а русская, хотя действие происходит в самом деле в Якутской А.С.С.Р., и что на мадам Бовари она похожа не больше, чем, скажем, на Анну Каренину, — или на любую другую женщину, которая бросает мужа. Но это не может вызвать большого удивления у того, кто знаком со стилем французской прессы. Мне было любопытно видеть другое: действительно ли это произведение представляет собою событие в советской литературе. И в этом отношении я остался разочарован. Роман мне показался довольно слабым.

Сюжет его чрезвычайно примитивен: жена ученого оставляет его, так как на ее взгляд муж уделяет ей слишком мало внимания и недостаточно ее понимает. Особенность, которая должна выражать "советский" подход к старой теме, — в том, что трагедия героини сводится к трудности найти для себя подходящую профессию. В конце концов она эту профессию находит, делаясь журналисткой. Почему то при этом ей понадобилось уйти к человеку, нашедшему ее на эту идею. Вероятно, в романе заключено много автобиографического элемента: в стиле автора отчетливо чувствуется перо газетного работника, а яркие описания медицинских операций, представляющие собою лучшие отрывки в книге, — наводят на мысль, что автор, как и героиня, учился прежде в медицинском институте.

События разворачиваются на фоне быта интеллигенции, — главным образом медицинского персонала, — партийцев, отчасти местных инородцев. Картина могла бы быть интересной, тем более, что Коптяевой описание дается легче, чем психологический анализ. Однако, и в этом отношении не чувствуешь себя удовлетворенным. Читаешь разговоры среди интеллигентов и чувствуешь все время, что здесь что-то "то, да не то". Слог их речи, сюжеты их бесед не типичны для настоящей интеллигенции, какую мы знали в СССР; все это — представитель той ремесленной, наспех выпеченной интеллигенции, которой, нельзя отрицать, при большевизме развелось немало. Конечно, автор вправе рисовать жизнь именно этого слоя, — к которому, видимо, и сам принадлежит, — но для нас это уменьшает интерес и все сочинение представляется из-за этого менее глубоким. Невольно хочется предупредить читателя из иностранцев или из старой эмиграции, чтобы он не думал, что внутренний мир русской интеллигенции в целом снизился сейчас до уровня инженера Таврова или журналистки Ольги Аржановой.

Герой, именем которого назван роман, талантливый хирург Иван Иванович Аржанов, изображен как человек науки, забывающий обо всем ра-

ди любимого дела, и, в то же время, как исключительно добрый и отзывчивый человек, находящий в себе сочувствие для каждого из своих пациентов. Да, такие типы в России были и есть, и образ Ивана Ивановича вызывает у меня ряд воспоминаний о людях, которых я знал в реальной жизни. Но зачем Иван Иванович сделан в то же время убежденным фанатиком партийцем? В этом нет прямой невозможности, но это так не типично! Люди науки, люди, сохранившие или воспринявшие те благородные традиции русского врача, какими живет Иван Иванович, обычно так далеки от партийного мира, так тщательно его избегают — и это все равно, происходят ли они из потомственной интеллигенции (где такая разновидность гоминас сапиентис встречается чаще), или поднялись из низов, как это указано у Коптяевой об ее персонаже. Они могут быть формально партийцами, но убежденными.. вряд ли. Впрочем, и у Ивана Ивановича эта убежденность не так то ярко чувствуется.

А вот другой партиец, — секретарь райкома Скоробогатов, — дан как живой. Таких мы все видали во многих экземплярах. Его манеры один из героев романа характеризует так: "угрозы, окрики, оскорбления со ссылками на неограниченные права секретаря райкома". При всяком поводе, и вовсе без повода, он начинает "гремять": "Все эти интеллигентские штучки... забываете о рабочей среде... сплошные выпады! Я предлагаю вам серьезно подумать". — "Ты идешь против партии!" и т. д. Его повелительный тон... его манера лезть с грязными сапогами в душу к людям, во все мелочи их личной и семейной жизни, все это — живой сколок с патуры. Прощаешь Коптяевой то, что он у нее в конце концов посрамлен и наказан "справедливой" партией. Ясно, на деле именно такие люди и делают карьеру в Советском Союзе.

О главной героине романа, как ни странно, почти нечего сказать. Симпатии автора на ее стороне, но вряд ли не у большинства читателей остается впечатление о ней, как о пустой мешанке, оказавшейся неспособной оценить стоящего выше нее в культурном и моральном отношении мужа. Ее неудовлетворенность собой и вечные поиски какются довольно смешными, если мы вспомним условия жизни большинства русской интеллигенции, перед которой все время встают куда более сложные и тяжелые вопросы.

Еще более надуманный, неживой образ — играющая в романе довольно серьезную роль девушка-якутка, помощница Ивана Ивановича, Варвара Громова. Она то и дело раздражается невыносимо приторными и неискренними монологами на тему о том, как страдали якуты в царское время, и какие неизмеримые блага им подарила советская власть. — "Я счастлива не тем, что я вырвалась, а тем, что весь мой народ вырвался из грязи и нищеты! Ведь раньше только крошечной кучке интеллигентов, имевшей общение с русскими, была доступна культура. И то консервативно-националисты упрекали их за обрушение, за русские обычаи, за то, что они позорят этим звание якутов. Я ненавижу националистов! Я их ненавижу-у! Что они держатся? Что

они могут дать народу? Ведь у нас почти одна треть населения болела чахоткой и больше половины грудных детей вымирало. А они стремились к реставрации! Мне рыдать хочется, когда я только подумаю, что революцию могли бы задуть в самом начале!" — Не хватает терпения прочесть до конца ее нудные, тошнотворные тирады. Да, все это говорили и говорят в Советском Союзе; все это приходится слышать. Но такие фразы произносятся исключительно в официальной обстановке — на собраниях, в присутствии начальства или, самое большее, перед людьми, в которых подзревают сексотов. Никто не станет, как Варвара в романе, говорить так перед близкими друзьями, в семейной обстановке. В подобном случае на человека поглядели бы с удивлением, с насмешкой.

Стоит ли приводить возражения по сути ее высказываний? Она сама рождает мимоходом, что ее отец, который был очень беден, имел 6 коров. В романе говорится о шкурках соболей и чернобурых лисен в руках у якутов-охотников. В царское время им бы заплатили полновесными деньгами, а теперь колхоз заберет все более или менее даром. Такие мелочи, наверное, якуты отчетливо сознают.

Ламентации Варвары по поводу тяжелой участи якутов в царской России надо признать, мягко выражаясь, преувеличенными. Конечно, они жили в тяжелом климате, но ведь и сама Варвара любит свою страну — "Олекма, нет в мире лучше края!" В отличие от других северных народов, якуты не обнаруживали никакой склонности к вымиранию или вырождению, это жизнеспособное, энергичное племя, наиболее многочисленное в Сибири, еще до прихода русских достигло относительно высокого культурного уровня. Русские принесли им христианство, цивилизирующую роль которого даже и большевики, верно, не станут теперь отрицать. Однако, они настолько сохраняли свою самобытность, что, далекие от обрусения, втягивали в свою среду живших между ними русских, усваивавших их язык. Об этом упоминает эпизодически появляющийся у Коптяевой старый шаман, который мог бы быть очень интересным образом. Вспомним, с другой стороны, рассказ Гончарова в "Фрегате Палладе" о том, как он ехал через Сибирь и к его удивлению здесь русские между собой говорили по-якутски и ему казалось, что его сейчас спросят: "Parlez vous yakoute?", и ему будет неловко сознаваться, что нет.

Упомянем здесь еще несколько неслишком широко известных фактов. Якуты до прихода русских не имели письменности — или, что довольно вероятно и находится в согласии с их легендами, ее утеряли во время своих странствий с юга на север. Уже в 1819—1821 годах священник Георгий Попов в Иркутске пробует составить якутский алфавит — "Таблицу для складов и чтения гражданской печати". Но по настояющему грамматика их языка и алфавита (на базе русского) были составлены в 1851-м году ученым немцем Бетлинггом (немец, как известно, и обезьяну выдумал!) В 1843-м же году архиепископ Камчатский Иннокентий Вениаминов учреждает в Якутске переводческий комитет для перевода богослужебных книг, во главе с протоиереем Дмитрием Хитровым. Хитров составляет свою транскрипцию — упрощение с

лингва. После революции, в 1917-м году, по инициативе якутского ученого Новгородова, русский алфавит был у якутов заменен знаками международной фонетической транскрипции, сказавшимися столь неудобными, что в 1939 году правительство было вынуждено вернуться к алфавиту Хитрова с небольшими изменениями. Это один из многих примеров, когда царское правительство обнаружило больше внимания и понимания в вопросах просвещения инородцев, чем советское.

Роман Коптяевой приводит мне на память другой советский роман, о котором тоже немало говорили несколько лет тому назад, и который во многих отношениях представляет с ним аналогию. Я имею в виду роман Веры Пановой "Спутники".

Роман также написан женщиной; Панова тоже журналистка, и "Спутники" были ее первым романом. В нем, как и в "Иване Ивановиче", в центре внимания стоят врачи и сестры; действие "Ивана Ивановича" кончается с началом Второй Мировой войны, — действие "Спутников" происходит во время этой войны. Но в выполнении у двух писательниц налицо огромная разница. Если у Коптяевой на сцене почти исключительно полунинтеллигенты, у Пановой охват гораздо шире — и настоящие интеллигенты, и полунинтеллигенты, и совсем простые люди; и, главное, каждый из них дан, хотя иной раз и в беглой зарисовке, но так, что мы видим его характер и душу.

Есть у Пановой старый доктор Белов. Если Иван Иванович возможен и даже правдоподобен, то доктор Белов не выдуман. Имя его — Иван Коптяева, говоря о своем герое то суха, то теоретична, Панова показывает своего с массой бесконечных, мастерски подобранных нюансов. Доктор Белов и комичен, и трогателен, и порою великодушен. Автор проявил чувство меры и не сделал Белова коммунистом. Его мотивы — может быть отчасти патриотизм, а главное то чувство своего долга перед больным, которое для русских медиков характерно. Белов явно побаивается властей и партийцев и старается с ними не спорить. Но когда комиссар предлагает ему прицепить к санитарному поезду брошенные товарные вагоны, что значило бы, спасая материальные ценности, подвергнуть опасности раненых, он решительно отказывается: "Люди, знаете, самое ценное!" Здесь сталкиваются два непримиримых мировоззрения — советское и гуманитарное, то, которого так верно и упорно придерживалась старая русская интеллигенция, не сознавая, что оно идет корнями из отвергаемого ею христианства. И чего стоят те терзания, которые доктор Белов переживает от смерти пациента, которой он не мог предвидеть, но за которую все же чувствует себя ответственным!

Не менее прекрасны и другие образы "Спутников" — персонал санитарного поезда, Девочка Васька, Лена Огородникова, перевязочная сестра Варвара Дмитриевна... Даже комиссар Данилов, менее симпатичный, чем другие, становится нам ближе, когда мы узнаем его личную трагедию, с неудачной любовью, наложившей отпечаток на всю его жизнь. Со странным, почти не поддающимся анализу искусством, Панова делает каждого из своих персонажей живым человеком. Их язык, их образ мыслей кажутся нам совершенно естествен-

ными. Мы видим, почему в результате советской жизни люди многого не знают, о многом имеют странные представления; но мы видим в то же время, что Васька, и Лена, и Фанна по своему характеру такие же русские девушки, какими были их прабабушки, ничего не утратившие из самых драгоценных свойств русского характера. Лена Огородникова, воспитанная в детдоме, находит для каждого раненого ласковое слово, смеется с ними, а еще чаще плачет, отдает свои силы заботе о них, а в душе думает только о муже, который где-то на фронте... и который, как в конце концов оказывается, о ней забыл и ей изменил. Даже когда автор показывает нам деревенского мальчишку, дравшегося на фронте, как лев, и обнявшего в госпитале, что это потому, что немцы хотят “колхозы порушить, а землю отдать помещикам”, мы не можем сказать, что это невозможно. Но, конечно, для советской власти подобные ребята плохая надежда. Подобное невежество и такие нелепые представления о положении вещей очень хрупки и легко разрушаются. А другую форму советского патриотизма найти и изобразить трудно.

Привнимая во внимание советские условия, мы ничего не можем знать о подлинных взглядах ни Коптяевой, ни Пановой. Та и другая могут быть и искренними коммунистками и совсем обратным. Но там, где у Коптяевой вышла ненатуральная агитка, Панова сумела дать меткую зарисовку действительности.

Зато, если вдуматься в содержание “Спутников”, то и приходишь к выводу, что они доказывают, что в России...

лучшие в мире — врачи и сестры милосердия; что русский народ как был так и есть народ храбрый, добрый и чистый душою. Но разве это сделала советская власть? Наоборот, ясно, что эти свойства выработаны веками в старой монархической России. Большевики не сумели и не смогли этих свойств уничтожить и в этом залог их собственной неизбежной гибели, ибо они находятся в непримиримом противоречии с народом, которым желают править.

Нет ничего удивительного в том, что в последнюю войну, как это было раньше, как верно будет и в будущем, во множестве санитарных поездов, лазаретов и госпиталей врачи, сестры, сиделки всей душой отдаются уходу за ранеными. Это картина вечной России. Но всем им без сомнения станет легче дышать, когда исчезнет как скверный сон советская власть, и даже писателю будет тогда легче рассказать о них, чем было Пановой, которой мы должны все же быть благодарны за образы живых людей и за правдивое изображение их чувств, тем более, что, конечно, ее задача в советских условиях была довольно тяжелой.

Владимир Рудинский

“НАША СТРАНА” существует исключительно благодаря аккуратности в расчетах с редакцией ее представителей и подписчиков.

Мы очень просим г. г. подписчиков не только не запаздывать со взносом их подписной платы, но и ВСЕГДА вносить ее за несколько номеров ВПЕРЕД! Это значительно облегчит затруднения материального характера, с которыми связан выпуск каждого номера!

Борис Башилов

2. „Большевики“ сороковых годов

(ГЛАВА ИЗ КНИГИ “СПОР, РЕШЕННЫЙ ЖИЗНЬЮ”)

Белинский происходил из тех по своей вине, несчастных семей, детей которых не могут накопить запаса радостных воспоминаний о детстве. Тех, спасающих душу воспоминаний, о которых гениальный знаток человеческой души Достоевский писал:

“Ничего нет выше и сильнее, и здоровее, и полнее впрямь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное из детства, из родительского дома. Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасен человек на всю жизнь. И даже, если и одно только хорошее воспоминание при нас останется в нашем сердце, то и то может послужить когда-нибудь во спасение. Может быть, мы станем злыми потом, даже пред дурным поступком устоять будем не в силах, над слезами человеческими будем смеяться, и над людьми, может быть, злобно издеваться будем. Может, именно это воспоминание одно нас от великого зла удержит...”

В этих несчастных семьях, несчастных не в силу уродливых социальных условий, а в силу уродливости характера кого-нибудь из родителей, или обоих родителей, рождаются дети, обладающие неуравновешенным характером. Недовольство всем окружающим лежит у этих несчастных существ в крови. Озлобленность, в результате неуравновешенности, приводит к мстительной ненависти. Людями такого склада были Толстой, Некрасов, Салтыков, детство и юность которых были исковерканы родителями, сами своими большими талантами исковеркавшие юность нескольких поколений русских людей.

Прежде, чем говорить о духовном развитии Белинского, поговорим о духовной атмосфере сороковых годов.

В 1934 году на немецком языке вышло большое исследование Д. И. Чижевского “Гегель в России”. Позже эта книга вышла на русском языке в Париже. В книге Чижевского имеются чрезвычайно любопытные данные о ходе философского развития духовных учителей Белинского — Н. В. Станкевича, М. А. Бакунина — и самого Белинского, если, конечно, можно серьезно обсуждать вопрос о философском развитии Белинского, звавшего философию только из вторых и третьих рук. Кумир нескольких поколений русских гимназистов и студентов, при ближайшем рассмотрении оказывался человеком гораздо менее образованным и гораздо менее глубоким, чем это обычно стараются изобразить левые критики. Для левых кругов, характерных своим доктринерством, примитивизмом мышления, Белинский, конечно, человек невероятной духовной глубины. Для людей же не застывающих на уровне мировоззрения восемнадцатилетних русских гимназистов, Белинский может быть духовным руководителем только в раннюю юность.

Почитатели Белинского из числа левых кругов, считают его так же как и большевики, чуть ли не гениальным философом. Белинского обычно, например, изображают превосходным знатоком Гегеля и вообще всей немкой идеалистической философии.

Проверим, так ли это.

Белинский был членом Гегельянского кружка, во главе которого стоял Станкевич и в числе членов которого был Бакунин.

Кружок Станкевича, один из самых знаменитых гегельянских кружков. Чижевский характеризует личность Станкевича следующим образом:

“...Всюду в письмах Станкевича, в высказываниях самого различного характера, видна та же уравновешенная, спокойная “мудрость”, — трудно найти иное слово. Станкевич стоит бесконечно выше своих современников и друзей (Белинского, Бакунина), терзающих себя и ближних мыслями душевно разорванных и раздвоенных, почти ежедневно сжигающих то, чему поклонялись еще вчера, и поклоняющихся тому, что вчера сжигали. Облик Станкевича стоит перед нами с чертами такой внутренней гармонии, какую мы редко встречаем в истории русского духа и почти не встречаем в “сороковых годах”.

К несчастью для русской общественной мысли, Станкевич был, действительно, исключением. Члены его кружка Бакунин и Белинский были совершенно лишены гармонии духа. Возьмем, например, Бакунина.

“...Бакунин, — пишет Чижевский, — всегда незавершенный, всегда куда-то стремящийся, беспокойный и страстный, ищущий не столько друзей, сколько покорных последователей или врагов, даже в проповеди “примирения” и “блаженства” бесконечный и раздражающий, вечно разжигающий какие-то новые надежды, он, — по великолепному выражению Герцена, — родился не под неподвижною звездой, а под кометою.

У него нет и следа тонкого эстетического чувства, связанного у Станкевича органически с сердечной нежностью и человеческой мягкостью. У него нет и всепреодолевающей пропни Станкевича, а только безумная ненависть”.

Письма Бакунина “Инакомыслием” своего рода обвинительные акты: несомненно и в разговорах и в спорах он выступал таким же образом. Инакомыслие для Бакунина всегда “ересь”, — утверждает Чижевский.

И Чижевский безусловно прав. Бакунин был именно таким. Он был нетерпим, как большевики. И так же нетерпим был и Белинский. Бакунин и Белинский — это “большевики” сороковых годов.

Оказавшись за границей, дав волю своему фанатизму, Бакунин выступает и против философии и против культуры вообще.

Да, в истории русской мысли нет ни одного примера равной Бакунинской силе философского фанатизма”.

Характер Белинского верно определяет Юрий Самарин:

“С тех пор как он явился на поприще критики, он всегда был под влиянием чужой мысли. Несчастная восприимчивость, способность понимать легко и поверхностно, отрекаться скоро и решительно от вчерашнего образа мыслей, увлекаться новизной и доходить до крайности, держала его в какой-то постоянной тревоге, которая, наконец, обратилась в нормальное состояние и помешала развитию

его способностей. Конечно, заимствование само по себе не только безвредно, но даже необходимо; беда в том, что заимствованная мысль, как бы искренно и страстно он не предавался ей, все таки останется для него чуждою: он не успевает претворить ее в свое достояние, усвоить себе глубоко, и к несчастью усваивает настолько, что не имеет надобности настольно самостоительно. Этим объясняется необыкновенная легкость, с которою он меняет свои точки зрения и меняет бесплодно для самого себя, потому что причина перемен — не в нем, а вне его. Этим же объясняется его исключительность и отсутствие терпимости к противоположным мнениям; ибо кто принимает мысль на веру, легко и без борьбы, тот думает так же легко навязать ее другим, редко признает в них разумность сопротивления, которого не находит в себе”.

В письме к М. Бакунину, Белинский характеризует сам себя и делает чрезвычайно любопытное признание:

“Вот два характера — Боткин и я. Он всегда в гармонии и всегда в интересах духа: ко всем внимателен, со всеми ласков, всеми интересуется... — словом, живет решительно вне своего конечного я, в свободном элементе бытия, всегда веселый, ясный, светлый, доступный мысли, чувству, а ежели грустный временем, то все таки без подавляющего духа страдания.

...А я? — пишет далее Белинский. — Не только мое страдание, самое блаженство мое тяжело, трудно и горестно; любовь и вражда, новая мысль, новое обстоятельство — все это во мне тяжело, и трудно и горестно. Только в немногие минуты и часы, когда я бываю добрым малым и, чуждый всякой мысли, без видимой причины, бываю весел, в каком-то музыкальном состоянии, — только тогда и дышу свободно и весело”.

Так Белинский сам свидетельствует о дисгармоничности, неполноценности своей натуры. Белинский так же неполноценен, как неполноценно большинство участников революционного движения всегда и везде. Участники революционных движений в преобладающем большинстве, это всегда люди с дурной наследственностью, имевшие несчастное детство, неприспособленные к жизни, неудачники, ненавидящие все и вся вокруг за свою неудачно сложившуюся жизнь.

В жизнь юноша Белинский вступил не вынеся из своего детства никаких добрых воспоминаний, почерпнутых в семье, с ущемленным самолюбием, с большими претензиями к жизни при полном неумении бороться за нее, мужественно отражать ее удары.

Константин Аксаков отмечает благотворное влияние Станкевича на всех членов кружка. “...Бакунин не доходил при Станкевиче до крайних безжизненных и бездушных выводов мысли, а Белинский еще воздерживал при нем свои буйные хулы...”

“...И когда Станкевич уехал за границу, быстро развилась в его друзьях вся ложь односторонности, и кружок представил обыкновенное явление исключительности...”

Можно себе представить, что получилось, когда вместо уравновешенного, гармоничного Станкевича, духовным учителем Неистового Виссариона стал неистовый “абстрактный революционер” Бакунин!?

Борис Башилов

Б. Линов.

Снова на Родине

(Продолжение).

...Клара сидит у печки. Ее взгляд, всегда равнодушный, глядит в одну точку.

Она не приходила на работу три дня. У нее мать больна воспалением легких. А теперь новая беда. Комитет Городской Управы сообщил ей, что дом, в котором они живут, по плану подлежит сносу. Пришли рабочие с бригадиром разбирать крышу, а мать лежит в жару. Клара просила подождать, пока сделает заявление в Управу. Бригадир ничего не может сделать. Рабочие начали разбирать крышу. Клара пришла просить защиты. Вальтер успокоил ее: раз она работает для немцев, никто ее дома не тронет. Побежала домой, но через час вернулась. Бригадир ничего звать не желает, у него на руках бумага из Управы.

Как на зло Вальтер ушел в город и вернется только в 4 часа. Его помощник толково объясняет, что они не могут вмешиваться в дела Городской Управы. Но удостоверение выдать могут, через полчаса бумага будет готова, придется подождать Вальтера для подписи. А сейчас только 10 часов утра.

Клара сидит у печки и ждет. Мы пытаемся уговорить ее: "Почему же вы не пойдете домой? Может быть, удастся уговорить бригадира, ведь не звери же?"

Но Клара качает головой: — "Без бумаги нет смысла, я лучше подожду". Дождалась и не спеша пошла домой, больше мы ее не видели...

Эта черта какого то странного равнодушия к своему горю, есть в каждом подсоветском человеке. Но это безучастие не распространяется на

других. Другого пожалеют скорее, чем самого себя.

Когда я разговариваю с Верой Антоновной, всегда чувствую неловкость, словно неизлечимо больному человеку стараюсь объяснить прелесть наступающей весны.

Вера Антоновна всегда внимательна ко всем. Иногда мне кажется, что ей совершенно все равно о чем говорят, только бы не быть одной, а быть с людьми, которые ей не желают зла. Ее вопросы, иногда серьезные, чередуются с совершенной нелепостью.

Я чувствую, что ее ум напряженно работает и не могу понять, что ее занимает. Однажды она сказала:

— Вот никогда не думала, что спасение России придет из-за границы!

— Ну что вы, куда нам спасать Россию? Мы еще более бессильны чем вы.

— Не знаю, — задумчиво произнесла она: — Мы здесь все привыкли молчать и думать. Мы все живем сами с собой... А вы говорите открыто, смело. Вы еще здоровые, живые. Вас еще не убил страх! Мы все наполовину помешанные. Я знаю, что я тоже помешанная. Мы только мечтами живем и сами боимся верить... Вот я вам скажу, когда вы нашли сестру Коноваленко, я совсем покой потеряла. Не могу спокойно спать и все думаю может быть и я родного человека встречу?

Последний раз спешу в околоток. Почти все учреждения уже эвакуировали.

Иду знакомой дорогой. Обгоняю маленькую сторбленную женщину. В саях небольшая поклажа. Обращается она ко мне:

— У вас нет облатки от головной

боли? Целую неделю мучаюсь. Триста километров прошла. В Курскую губернию за мукой ходила... ближе в деревнях ничего нет...

У моста, рядом с будкой семьячника, знакомая фигура нищего-интеллигента. Высокий стройный старик. Небольшая седая борода. В стужу, в мороз, всегда в том же потрепанном сером костюме. Не глядя ни на кого, ходит взад и вперед торопливыми шагами, повторяя одну и ту же фразу:

— Подайте ради Христа! Так кушать хочется! Подайте ради Христа, так кушать хочется...

На дороге в снегу, другой нищий горючий. Я уже не раз встречал его в разных концах города. Стоит на коленах и громко молится. От ветра и мороза лицо и руки красно-бурого цвета. Большая седая борода. Шапка лежит на снегу. Николай Иванович в первый раз, опуская монету в шапку, не выдержал:

— За кого ты, дедушка, молишься, за красных или за белых?

— За всех молюсь. За всю Россию молюсь!..

5-ое февраля. Прибыла новая группа из Антверпена. Говорят, чудом проскочили. Есть и русские. Мы пока никого не видели. Нас изолировали. Видимо в нашей группе немцы обнаружили разлагающий элемент. Нас это не удивляет. Бутаровский уже давно высказывал опасение, что Николай Иванович под подозрением. Он только горько усмехается.

Вечером установили связь с вновь прибывшими. Шесть человек русских, четыре человека из Парижа. Есть новости и письма. Начальство в Антверпене не верит в сдачу Харькова и настроено оптимистически. Готовят третью группу. Все это очень странно. Харьков почти окружен, немцы стремительно отступают, а наше начальство продолжает верить в свою аван-

тюру. Причина оптимизма, вероятно, — в проценте прибыли с головы завербованного рабочего, а судьба этих рабочих их совершенно не интересует. Директор антверпенского гаража много месяцев обхаживал немецкого генерала, и задабривал его обедами и ужинами, не без шампанского, доказывая практичность и патристичность задуманного предприятия.

В результате, примерно 100 человек, считая третью группу, которая уже сидит в казарме в ожидании отправки, не работая ни одного дня, не починив ни одной машины, в течение нескольких месяцев получают высокие оклады специалистов, хотя в нашей группе только три законченных механика. Кроме того, сейчас мы готовимся оставить большевикам, в аккуратном упакованных ящиках, весь привезенный нами материал: машины, станки, инструменты, стоимостью в 10 миллионов бельгийских франков.

Я помню фразу рабочего коммуниста, упаковывавшего в Антверпене наш материал:

— Хорошо упаковывайте, чтобы аккуратно доставить Красной армии.

...Вера Антоновна не менее нас радуется прибытию новой группы. У нее даже вырвалась такая фраза:

— Может быть, и для меня есть радость! Может быть, моя первая симпатия приехала.

23 года тому назад, знакомый Веры Антоновны, офицер, уехал с Добровольческой армией за границу и сейчас она взволнована как ребенок.

За соседним столом — у бельгийцев полное уныние. Сын повара — главный спекулянт, уговаривает всех немедленно все бросать и спасаться пешком:

— Завтра уже будет поздно!

Даже неутомимый остряк парижанин Вотье, совсем притих. Харьков и русские белые, бесконечные степи его как-то придавили. Он ни разу не

Глеб Томилин.

ДВЕ СИЛЫ

Роман.

— Я думаю, что об этом все таки еще рано говорить. У меня есть три места, в которых можно спрятаться на долгие годы. Только сейчас наступает зима и дойти будет трудно: это в Яблоновых горах, еще на Алтае и подальше — на Усури, и на Корею — оттуда можно пробраться и за Корею. Деньги у нас есть...

— Да и у меня золото. Можно за зиму и еще накопить... Жильное золото, недалеко тут, в горах.

— Так что вопрос в том, чтобы первых зиму как то пережить и, вторых, кое какие дела закончить. У меня, Еремей Павлович, есть виды на вашего Федю. Скажу сразу — спасное дело.

Еремей Павлович пожал плечами.

— Зря бы вы, Валерий Михайлович, на опасное дело человека не посылали. Значит — нужное дело. А опасность, так все мы под Богом ходим — вот попал же я в такую мышеловку, что никакого хода видать не было — а, вот, сижу, барана ем и самогон попиваю. Никто, — как Бог. Нужно, конечно, и с самим Фелей поговорить — как он. А может и говорить то нечего: парень молодой, ему бы только куда нибудь ввязаться. Федя, — как вы думаете..

Еремей Павлович поднял палец,

как бы прислушиваясь к чему то. Валерий Михайлович и Потапыч тоже стали прислушиваться — не без некоторого беспокойства. Потом Еремей Павлович встал, подошел на цыпочках к двери и еще прислушался.

— Спят, — доложил он, — вернувшись к столу.

— Кто спит?

— Да мамаша, Дарья Андреевна.

— А причем тут мамаша? — спросил Потапыч.

— Дело такое, — сказал Еремей Павлович таинственным шопотом, что, что там такие пострелы, как мой Федька, вытворяют, так про то мамашам знать не полагается: со страху помрут!

— А что он вытворяет?

— На тигров повадился, сдались ему эти тигры? Тут у нас, пониже, на юг, озера, камыш, дикие свиньи водятся, ну и тигры приходят: места глухие, зверь непуганый. Так вот мой Федька на этих тигров. Да еще как? С рогатиной!

— С рогатиной? — удивленно переспросил Валерий Михайлович. — Что на медведя с рогатиной ходят — я это знаю. А на тигра?..

— Вот в том то и дело — на тигра. В этих камышах, кустах, зарослях, с ружьем много не сделаешь. Так он се-

бе рогатину соорудил. Две. Из какого то китайского, то ли туркменского меча. Перо — в аршин длиной, широкое... А древко — железное то есть не железное, а стальная труба, где то спер, с какого то самолета, что ли. Так вот — повадился. Тигр на него, значит, прыгает, а он, значит, с размаху, правда, рогатину подставляет — острая как бритва. Уже восьмого тигра таким манером взял. Ну и я, я тоже — трех. Что и говорить: занятие — вот это охота, а не то что за пять верст из винтовки. Только слушай, Потапыч, если ты об этом Дарье Андреевне или Дуньке проболтаешься, — ей-Богу, голову оторву.

— Г-м, — сказал Потапыч, — я, папаша, на советской службе молчать научился.. А когда вы еще на тигра собираетесь?

— А тебе чего.

— Да и я бы увязался.

— Это — еще как сказать? Я не к тому, чтобы ты был трусом или что, а к тому, что тут уж нужен верный глаз. Это так просто говорится — подставить рогатину. Я тоже так думал, когда в первый раз. Ну, малость промазал, рогатину то всадил, да не так, как нужно было, а тигр лапой то древку, стальную трубу, как проволоку согнул... Вот такой толщины труба. — Еремей Павлович поднял стакан, — Вот как этот стаканчик. Хорошо еще, что и я тоже стреляный воробей. Да и Федька подоспел. Он даром что телачий образ имеет, а парень башковитый, ох, башковитый парень. Было такое дело, что трубка то эта согнута.

Значит, тигра не удержат, а сверху его никак не пробить — зверь здоровенный. Я это в сторону, а Федька правильно сделал, вместо того, чтобы пробовать зверя проткнуть, он его рогатиной как топором — по шее. Перерубил, значит, позвонки. А дело то все — моргнуть не успеешь. Это только рассказывать длинно. Так вы, Валерий Михайлович, говорите: опасность. А на тигров то шляться, так это по вашему что? И, спрашивается, какой чорт его тянет?

— А вас, папаша, какой чорт потянул?

Еремей Павлович почесал затылок.

— Вот в том то и разговор. Есть, говорят, люди, которые на самый полус таскаются, а там, чего они не нидали? Ну на полюсе то я не был, а что до тигров, так дело тут в полсекунде, да и полсекунды нет. Вздумай вот тогда Федя тигра то этого рогатиной колотить, пропал бы я, сразу его не проколешь, особенно если сверху, а ему лапой мне полбока отодрать — раз плюнуть. А, вот Федька то мой успел сообразить — я его после спрашивал, так и есть, сообразил. Рогатина то, как широкий тесак. Силенок у Федьки, дал Бог — хватает, ну и сразу. Парень очень башковитый.

— Это очень важно, то, что вы рассказали, — сказал Валерий Михайлович. — Дело заключается вот в чем: Феде нужно пробраться в одну тюрьму, потом кое кого придушить и открыть двери нам — у меня еще люди будут.

— Никаких людей больше не нужно,

вышел в город. Когда все уходят, он уныло лежит на своей койке и вполголоса, по нотам, мурлычит парижские песенки.

...Все ушли на работу, опять перегружать ящики. Я лежу на койке с больной рукой. Кто-то тихо постучал в дверь.

— Войдите!

Вошел незнакомый человек, еще не старый, лет 55, интеллигентное лицо, крепкая фигура, черные строгие глаза, густые брови.

— Простите, господин Ликов? Можно к вам на минутку? Инженер Ланов, ваш сосед, из соседнего цеха. Мне говорили ваши приятели, что вы работали в Антверпене на постройках. Не приходилось ли вам встречать инженера Самойлова?

— Очень хорошо знаю. Он работает в фирме Тильяна.

— Да, да, вот именно, Тильяна.

— Я для них не раз работал. Много раз встречался с Николаем Петровичем, он большой приятель моего брата. Хороший инженер. Большую себе карьеру сделал. Сейчас он правая рука хозяина. Он ваш родственник?

— Нет, я пришел по поручению его сестры и матери. Когда мы узнали, что в вашей группе есть люди из Антверпена, решили попытаться счастья. Мать и сестра Николая Петровича были бы очень рады, если бы вы нашли минутку, как-нибудь вечерком.

— С удовольствием, если нас еще выпустят в город.

— Вы давно его видели в последний раз?

— В последний раз, месяца два тому назад, в русской церкви.

— В русской церкви? Вот как! Раньше он был, немного того... свободомыслящий. Очень странно. В церкви, говорите, значит, он переменялся. Он никогда вам не говорил о своих родных?

— Я знал, что его родные остались

в России, но встречался с ним больше по делам, всегда на людях. Да вы присаживайтесь.

— Я думаю, что вы скоро вернетесь в Бельгию. Харьков, вероятно, недрах сдадут. Если увидите Николая Петровича, передайте ему... — он на секунду задумался: — не пугайте его, скажите, не голодаем, но жизнь, конечно, трудная. Сейчас работаем у немцев. По совести сказать, очень трудно. Как подумаешь, что немцы уходят, с ума сойти можно. Вам это трудно понять. Я слышал, ваша молодежь с рабочими нашего цеха немцев ругают. А что же без них будет? Все эти годы мы жили в вечном страхе, особенно интеллигенция. Как воры какие, каждый день боялись быть пойманными. Говоришь с человеком, а сам думаешь, знает или не знает, кто я. Как будто действительно преступник. Приходится свои мысли даже от себя прятать, чтобы не проговориться. С годами вырабатывается машинальная привычка слушать и видеть только ИХ. Думать только ИХ мыслями, добиваться только ИХ одобрения. Здесь нужно жить открыто, всегда на виду. Человек молчаливый и замкнутый здесь сразу становится подозрительным. Если заметят, что прилежишься, поймают. Собьешься с тона, погиб. Сам себя страхом с ума сведешь.

— Вы не боитесь оставаться?

— Не боюсь ли? Еще не знаю, что делать. Может быть, в последнюю минуту убегу, куда глаза глядят. Один не убегу. А с семьей страшно. Бросят в дороге, — до нас ли сейчас, — верная смерть, а остаться, может быть, и хуже смерти. Донесут, у немцев работал инженер — значит, концлагерь, в лучшем случае. Я человек крепкий, работы не боюсь, несколько лет выдержу, может быть, война иначе повернется, но что с семьей будет, страшно подумать...

— А вы не думаете, что после вой-

ны могут большие перемены произойти?

— Если Советы победят, перемены для нас могут быть только к худшему. Сейчас советская власть теряет контроль над народом. Мобилизация влила непроверенные массы в армию. Для них сейчас важно какой угодно ценой войну кончить, и как можно скорее. И народ знает, что позже опять зажмут и все таки ничего сделать нельзя.

— Но чем объяснить, что советский солдат, все таки отчаянно дерется?

— Не все, конечно. Есть преданные, среди молодежи, эти на смерть пойдут. А другие, это объяснить трудно. Человек привыкает к своей среде и так с ней автоматически и двигается. Советская власть воспитала молодежь чувствовать свою силу в массе, в коллективе. Но есть и другое. Война разбудила, что-то новое, чего у нас не разрешалось. Солдат на фронте в первый раз себя почувствовал человеком. Пусть там опасность, страх, но страх другой. Даже под пулями, может быть, именно там, он особенно почувствовал любовь к жизни и к свободе. Мне не раз приходилось слышать:

— Ну и пожили мы на фронте, до смерти не забуду. Так только Пугачев да Стенька Разин жили!

Кроме того, солдат знает, что сейчас в нем самое главное. Дисциплина, дисциплиной, а без него, все пропало. Это трудно понять, но сейчас каждый солдат думает, что он своей силой для всей России свободу добывает. Герои на фронте — это не Стахановщина. Здесь пропаганда роли не играет. Это — русский патриотизм. Один против танка идет. Так и говорит: "Вот это по-русски, не робей до самой смерти, кула немцам до нас!" Один мне говорит: "Видел я итальянских и румынских солдат, куда им — мусор! Наши идут в атаку во весь

рост, головы не наклонят, красота!... Это уж в крови, хоть и под советской звездой, а как сердце вскипит, все забывает, русский человек, сам против себя идет, на зло всему миру, за Россию"...

— Но как же это понять? Ведь поражение немцев сейчас, — значит победа коммунизма надолго, на много лет?

— Да. Так оно и есть. Но немцам верят все меньше и меньше. О зверствах в лагерях все знают. А главное, народ хочет конца войны. Пока советская власть существует, она не капитулирует, даже если в Сибирь уйдет. Значит война, партизанщина на много лет. Если бы была, хоть какая-нибудь возможность свалить власть и быстро войну кончить, картина была бы другая.

Я в ужас прихожу, что немцы уходят, но откровенно говоря это вопрос шкурный: спасти себя и семью. А вот, если немцы, вместо освобождения от коммунистов, сами закабалют русский народ, на манер большевиков, может быть, я первый в партизаны уйду.

— Но что же делать для спасения России?

— Русский народ попал в какой-то страшный круг страданий, откуда ни ценой жертв, ни ценой патриотизма и героизма, нет выхода. Советская власть для народа хуже всякого иноземного завоевания, потому что эта власть в какой то степени — мы сами, и это парализует волю народа. Ненависти в народе сколько угодно, но власть все знает и все видит. Власть контролирует наши дела, наши мысли и наши тайные надежды. Борьба, воля к сопротивлению не может опереться не только на какие группы, но даже на ближайшего, преданного друга. Все, как в трясуем болоте, движется под ногами и вы не знаете, куда ступить, где спасение, а где смерть. (Продолжение следует).

— не без некоторой обиды в голосе сказал Еремей Павлович, — наших тоже хватит. А передумать — это Федя может. Уж он лицом в грязь не ударит... Только — как в эту то тюрьму попасть.

— А это я вам позже скажу. Но если это Феде и нам удастся, мы, может быть, скворчнем советскую власть.

Потапыч внимательно посмотрел на Валерия Михайловича.

— Тут, Валерий Михайлович, люди мы свои. Вы не думайте, что как если я был на этой железнодорожной охране и хлеб казенный воровал, так я болтать пойду.

— Нет, я этого не думаю, — спокойно сказал Валерий Михайлович.

— А хлеб казенный то все таки воровал, — не удержался Еремей Павлович.

— И опять вы, папаша, не туда пальцем тыкаете. Я, во-первых, и во все не воровал, а, во-вторых, вовсе не казенный.

— А чей же?

— А, просто — с колхозниками в стачку входил. Писали там всякие акты: то хлеб градом побило, то звери вытоптали, то засуха там какая — вот и мужикам хлеб оставался, и мне перепало. Так что это вы, папаша, оставьте. Я только к тому, Валерий Михайлович, что я знаю, о какой тюрьме идет речь — Нарынский изолятор.

— Совершенно верно.

— Ну, планов ваших я знать не могу, да только попасть туда стороннему

человеку — это, пожалуй, потруднее, чем Сталину в Царствие Небесное.

— Нет, можно попасть.

— Вам виднее. И скажу я вам еще, Валерий Михайлович, что и на меня вы положиться можете. Я, правда, кое от чего отбил — засиделся, зажирил, папаша вот думает, что я забюрократился...

— Ничего я не думаю. Вот поговя- ем тебя по тайге, так ты опять человеком станешь. Парень ты — ничего, Дунька, она тоже не совсем уж зря... А люди мы — свои, даром что вы, Валерий Михайлович, человек ученый, а мы — чалдоны и больше ничего.

— Действительно свои, — подтвердил Валерий Михайлович.

— Ну, а что касается учености, — сказал Потапыч, — так прежде люди думали: вот образованный, — он знает. А теперь мы видим: образованный или необразованный, никто ничего не знает.

— И это тоже правильно, — спокойно подтвердил Валерий Михайлович.

Еремей Павлович оглянулся на него без некоторого удивления.

— Ну, это извините, Валерий Михайлович, тут что-то и вы перегнули. Конечно, всего и образованные не знают, а все-таки мост строить или человека лечить — образованность нужна.

— Так, ведь, Потапыч не об этом говорит. Он говорит о том, как государство построить — образованные раньше думали, что главная помеха — это царь. Теперь видно, что царь

был опорой для всех. Выходит как будто и глупо: с одной стороны один человек, с другой двести миллионов. А, вот, одного убрали и двести миллионов попали на каторжные работы.

— Я и говорю: а все образованные. — Потапыч вдруг поднял палец и прислушался: — А там, кажется, еще один образованный ворочается...

Все прислушались. Из комнаты, где лежал мистер Питер, донеслось легкое покашливание.

— Тоже, может быть, человеку не спится, я сбегая посмотрю, а ты, Потапыч, пока дров в печку подложи, у огня все таки как то домашнее...

От столовой к какой то пристройке шла лесенка ступенек в пять. Еремей Павлович не то перешагнул, не то перепрыгнул их все сразу, и так непринужденно, как будто в нем вовсе не было никакого весу. Потапыч сткрыл заслонку в русской печке, обнаружил там еще не прогоревшие совсем угли и навалил целую охапку дров. Дрова сейчас же вспыхнули веселым и трескучим пламенем. Совершив этот хозяйственный акт, Потапыч наскоро налил себе новый стакан водки и так же наскоро опрокинул его в глотку. По тем же ступенькам и с такой же легкостью спустился или спрыгнул вниз Еремей Павлович, на этот раз держа на руках укучанного в меховое одеяло мистера Питера.

— Никому не спится, — констатировал он деловым тоном. — А, как я полагаю, человеку и есть хочется, — вчерась то мы его не очень уж угощали, ну а теперь уже можно.

Еремей Павлович бережно усадил мистера Питера в нечто вроде кресла: осязательные дубовые колья, обтянутые медвежьей шкуркой.

— Довольно плохо, — сказал мистер Питер. — Ничего, конечно, опасного, но все болит. Это, вы говорите, первая ступень допроса?

— Первая, — ответил Валерий Михайлович. — Не стоит говорить об остальных.

— И люди все-таки выдерживают?

— Говорят — выдерживают. Но те, кто выдержали, больше ни о чем не говорят.

— Понимаю, — сказал мистер Питер. — Но все-таки ходить я почти не могу.

— Если суставы в повреждении, — пояснил Еремей Павлович, — первое дело покой. И ходить вам вовсе не за чем.

— А, главное, нужно выпить и спать. Вчера желудок у вас был пустой, отвык от еды, сейчас...

— Вот, я, еловая голова! — Еремей Павлович даже хлопнул себя ладонью по лбу. — Такое — и совсем забыть! И сейчас... — Еремей Павлович исчез в одну из дверей.

— А вы о Боге и о человеке беседуете. — спросил мистер Питер с чуть заметной иронией в голосе. — Я думал — это только у Достоевского...

— Нет, не только у него. Мы сейчас говорили, кажется, о культуре вообще.

— Я говорил, — подтвердил Потапыч, — что, вот, раньше простой народ думал, что образованные — они

W. KARSOW

SITUACION DE LA CIENCIA Y LOS SABIOS EN LA RUSIA SOVIETICA

(Continuación)

Los comunistas consideran la ciencia como un instrumento de política, por eso exigen de cada intelectual, desde un miembro de la Academia de las Ciencias, hasta un maestro de escuela del pueblo, que en su enseñanza sean en esencia propagandistas del soviét.

Para los trabajadores de la ciencia esa circunstancia representa una tragedia, dado que ninguno de ellos comulga con las ideas comunistas, salvo unos pocos para quienes el comulgar con ideas contrarias a las de libertad, tan necesarias a la ciencia, les resulta sumamente provechoso.

La enseñanza de las ciencias, como ser, filosofía, economía política, historia, etc., está totalmente monopolizada por los comunistas.

Pero ni aún la completa indentificación con el partido comunista es suficiente garantía para salvarse de un severo castigo si el sabio en sus lecciones u obras tiene algo que no gusta a la N.K.W.D. (Policía Secreta de la Rusia Soviética).

Tal suerte corrieron grandes sabios comunistas, como el profesor de historia Pokrowski, el profesor de filosofía Deborin y muchos otros.

Cada año se sacan y se aniquilan de depósitos y bibliotecas millares de libros. Esos son los libros en los cuales a pesar de la severa censura anterior, la N. K. W. D. encuentra posteriormente algo que no está de acuerdo con su política, o en su defecto, cuan-

do el autor de ese libro no sirve a sus intereses.

La prohibición de esos libros casi siempre está vinculada con severas represiones a los autores, aunque los motivos aducidos para su prohibición son fútiles o fantásticos. He aquí algunos ejemplos: Un gran sabio, el profesor Dimanstein, en su libro sobre los yacimientos de carbón en el Cáucaso, escribió un proyecto para la explotación de los mismos, pero el proyecto del régimen fué distinto al suyo. Eso fué suficiente para prohibir el libro, prender y desterrar al autor. Un miembro de la Academia de Ciencias, el geólogo Wirgikowski (polaco de nacimiento) escribió sobre los estratos en las tierras fronterizas con Polonia. Fué acusado de querer con eso llamar la atención de Polonia sobre esas tierras. Estuvo arrestado y desapareció.

Participación anterior a la revolución de un sabio en algún otro partido o grupo político, también provocaba represiones. Así desapareció uno de los más célebres médicos rusos, el profesor Pletnew, porque antes de la revolución era un miembro del Partido Liberal (Partido de la libertad del Pueblo).

La persecución de los sabios no sólo se lleva a cabo contra uno de ellos en particular, sino también contra grupos enteros. Se les acusa, con torturas se exige de ellos la confesión de crímenes que nunca cometieron, de conspiraciones que nunca realizaron, y así, los sa-

—Вы, папаша, пейте, как хотите, а я уж по старинке — и простой и стаканчиком. Это уж пусть барышни из рюмок пьют.

—Очень хорошо, — подтвердил мистер Питер — как очень старое и очень хорошее виски. Так вы тут среди ночи о культуре разговаривали? Очень острая тема...

—Тема обостряется тем фактом, что, вот Еремею Павловичу, ввиду роста мировой культуры, придется бросать десятилетиями насиженное гнездо.

—Конечно, придется. Красные, по всей вероятности, займут Китай. И, конечно, будут чистить все линии коммуникаций. И, кроме того, будут искать и вас, Еремей Павлович, и господина Светлова и меня. Мы двое им были бы очень нужны...

—Ну, что-ж, — согласился Еремей Павлович, — смываться, так смываться. Не в первый раз. Вот, Валерий Михайлович и пристанце какое то для нас присмотрел. Срубим избу, поставим печку — проживем. Только, вот, неизвестно, — надолго ли?

—Я предполагаю, — сказал мистер Паркер, — что приблизительно на пять лет.

Валерий Михайлович пожал плечами.

—Этого никто не может знать. Германия уже два раза начинала молниеносную войну, оба раза с полной уверенностью в победе, оба раза война велась голы и обе войны были проиграны. Человеческое предвидение, мистер Паркер, — инструмент чрезвычайно неточный. Мировую по-

знают, научить могут — вот и научили... Сидим мы тут, как мышь под метлой, смываться собираемся, а куда смываться и вовсе неизвестно. А вам, товарищ американец, я, вот, водочки налью, тут, вот, рябки жареные, я их сейчас подогрею, вот рыба всякая, вчера ели ели, а даже и папаша то мой и тот не осилил.

Еремей Павлович появился, держа в руках огромную грязную бутылку какого то допотопного образца.

—Брось наливать, Потаныч, вот этой водке — лет тридцать, а может, и пятьдесят — еще от старых заимшиков осталась. Я, правду говоря, тоже три бочки давно закошал — то ли пропадут, то ли товарищи выпьют. Ты, Потаныч, достань там из шкафа рюмки — такое зелье пить стаканами и вовсе невозможно, враз без ног останешься.

Еремей Павлович весьма поверхностно обтер бутылку какой-то тряпкой и откупорил ее. В рюмки была налита светло желтая жидкость, наполнившая всю комнату каким то специфическим запахом. Валерий Михайлович втянул в себя воздух.

—Это, вероятно, что то вроде старки?

—Точно так, Валерий Михайлович. В немецкую войну нам два раза понадалась вроде вот этой, да все таки не то — вот вы попробуйте.

Валерий Михайлович попробовал.

—Да, конечно, старка, можно, действительно, и без ног остаться.

Потаныч из любопытства отхлебнул полрюмки и остаток передал Еремею Павловичу.

РОЗЫСКИ

ЮНКЕРОВ КОНСТАНТИНОВСКОГО ВОЕННОГО УЧИЛИЩА (Киевского) периода Гражданской войны на Юге России (Екатеринодар-Феодосия-Галлиполи-Болгария) просит откликнуться 2ой роты Ст. Португей-донкер Анатолий НАВРОЦКИЙ — по адресу:

Sr. A. Navrotzky,
Calle Belgrano 151,
Villa Ballester, FCNGBM
Argentina

Николай Николаевич ДАНИЛОВИЧ просит Нину Васильевну, Вадима Платоновича и Светланочку НЕЧВЛОВЫХ откликнуться по адресу:

Mr. N. Danilowitsch
7 North Str. Glen Cove
L. J., N. Y., USA.

Павел Иванович ВОЛОСЕЦКИЙ просит родственников, находящихся по слухам, в Парагвае, откликнуться по адресу:

Mr. P. Volossetzki
16, rue Lamartine
Le Creusot (S. et L.) France

бюсы се pierden en el destierro, en campamentos de concentración, o son condenados a muerte. Así fué puesto en escena un "Proceso judicial" de la "Unión de la liberación de Ucrania" y por consiguiente muchos importantes sabios ucranianos con el vicepresidente de la Academia de Ciencias de Ucrania Efrewow, a la cabeza, fueron condenados. Gran número de sabios ingenieros fueron desterrados, por consiguiente, del proceso del "Partido industrial", entre ellos el célebre profesor Rom-sin.

(Continuará)

ИЗДАТЕЛЬСТВО

НАША СТРАНА

Буэнос-Айрес

Аргентина

ДИКТАТУРА ИМПОТЕНТОВ

Часть 1.

Цена 2 ам. долл.

Иван Солоневич

НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ

Часть 1. Основные положения.

Цена 1.50 ам. долл.

Часть 2. Дух народа.

Цена 1.50 ам. долл.

В ПЕЧАТИ:

Проф. М. В. Зызыкин

ТАЙНЫ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА I

Цена 3.00 ам. долл.

Иван Солоневич

НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ

Часть 3. Киев и Москва.

Проф. Б. Ширяев (А. Алымов)

ДИ-ПИ В ИТАЛИИ

Цена 2.50 ам. долл.

Заказы адресовать:
VSEVOLOD DUBROWSKY
"NUESTRO PAIS"

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires, Argentina

беду Сталина я, например, считаю не только не исключенной, но даже и вероятной.

(Продолжение следует).

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

NUESTRO PAIS

Organo Monárquico Ruso

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

ПРЕДСТАВИТЕЛИ

AMERICA DEL SUR:

Paraguay: Tjonovich, Calle Oliva 227, Asunción.

Brasil: Leo Rubanoff, Caixa postal 10657 Bras. Sao Paulo.

Venezuela: Sr. K. Kellner, Tunel Santa Iñes, Villa Niña, Ap. 2, Caracas.

Chile: Sr. Nicolás Rogaley, Allende Pádin 2128 (por Beaucheff altura 1705), Santiago de Chile.

U. S. A.:

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave. San Rafael, Calif. USA.

Mr. A. Klushkin, 2765½ Mac Allister str., San Francisco 18, Calif.

Mr. Paul Likhodey, 551 West 178 Str., New York, 33, N. Y.

Mr. M. Maltzeff, 1332 Lucille Ave, Los Angeles 26, Calif.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 10733 — 117 str., Edmonton, Alta.

EUROPE:

Germany: Brit. Zone. Frau J. Seuberlich. Wolfsburg k. Gifhorn, Postfach 63.

Francia: Mr. A. Krivocheieff, "Kama", 27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine, Seine.

Belgique: Librairie et Bibliotheque Slave — 18, Rue de Roumanie, Bruxelles

Italia: Sr. Prof. B. Sciriaev. Campo AMP Pagani (Salerno)

ASIE:

Iran: Leon Popoff, 273, Ave Ferdowsi, Teheran.

AUSTRALIA:

Mr. Parker, 28 Queen Bess Str. Buranda, Brisbane.

Mr. P. Ostashkevich, 7 Whinham Str., Fitzroy, Adelaide.

Polyglot, Bookshop, 182 George Str., East Melbourne, Vic.

Mr. A. D. Amosoff, 12 Challis Flatts, 46 Victoria Str., Potts Points, Sydney, N. S. W.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА

"НАШЕЙ СТРАНЫ"

Аргентина — 2 песо; САСШ — 30 ам. цент.; Канада — 30 кан. цент.; Бразилия — 5 круз.; Венецуэла — 1 бол.; Уругвай — 40 уругв. сент.; Парагвай — 2 гуарани; Чили — 10 чил. песо; Англия — 1 ш. 3 пенса; Франция — 60 фр.; Бельгия — 10 бельг. фр.; Швейцария — 1 шв. фр.; Швеция — 1 шв. крона; Германия — 75 пф.; Иран — 10 риал; Австралия — 1 шилл. 6 пенса австр.; Марокко — 60 фр.; Италия — 150 лир.

"НАША СТРАНА"

в Буэнос-Айресе продается: в киоске г. Вербицкого — при Храме Воскресения Христова (Вижа Пуэйрредон), в киоске г. Ряснянского — Облигадо 2150, в книжном магазине братьев Лашневич ул. Леандро Алем 1140 и у газетчиков на углу Леандро Алем и Виамонте и Леандро Алем и Сармиенто. На Вижа Бажестер — у инж. Василькиоти, при церкви на ав. Альвар.

Imprenta "Dorrego", Dorrego 1102 - Bs. Aires